

РАССКАЗЫ

ТОПОЛЯ

Здесь было село. После того как в этих местах построили маленький винный завод, статус населенного пункта повысили: деревня стала городом. Не исключено, что по такому случаю на одной из улиц были высажены тополя. С того момента в городке ее считали центральной.

Как известно, тополя из породы быстрорастущих деревьев. Через некоторое время они уже были выше любого здания города. Один из них закрыл вид на горы, которые виднелись из окон моего дома. Но однажды порыв сильного ветра согнул дерево, и на время я опять увидел спокойный горизонт, горы. Порыв ветра продлился, тополь силится воспрянуть, его листья в панике трепетали.

По весне тополя пускали пух. Невесомая пушинка подолгу зависала в воздухе. В самой сердцевине ее прозрачной плоти виднелся белый сгусток семени. По дороге в школу я поймал пушинку и выпростал из нее семя. Из него прыснула черная и вязкая, как тавот, жидкость. Испачкал себе белую сорочку. За что получил дома взбучку.

Осенью, к октябрю, в желтеющую крону тополей набивались воробьи, которые деловито чирикали. В лучах яркого солнца таяли кроны тополей и нашедшие в них приют птички. В это время по улице на арбах крестьяне из окрестных деревень везли на завод виноград. Караван тянулся медленно и молча. Только поскрипывали деревянные арбы. Убаюканные дорогой и воробьиным гвалтом, жмурясь от солнца, крестьяне в полудремотном состоянии погоняли вялых волов. Те монотонно жевали жвачку и иногда лениво били себя хвостами по крупам, отгоняя назойливых мух. Местные мальчишки подкрадывались к каравану и воровали из огромных плетеных корзинок кисти винограда.

Под вечер смолкали воробьи, из городка уходила последняя арба, ворота заводика закрывались. Улица оставалась пустынной и безмолвной. В гущающихся сумерках ее осеняло золото тополей... Кучки навоза напоминали о караване.

В городке отсутствовала служба озеленения, которая делала бы обрезку, освобождала бы тополя от сушняка. Со временем они обезобразились. Зимой они, нагие, походили на монстров. Снег навел бы марафет. Но снег у нас выпадал раз в год, и то на день-другой. Зимой обычно у нас дождит. Монстры мокли и терпеливо ждали летнего наряда.

...Но вот появилась служба озеленения. Она спилила тополя. Большое местное начальство распорядилось. Дескать, весенний пух аллергию вызывает.

Гурам Александрович Сванидзе родился в 1954 году в Тбилиси. Учился в Тбилиском государственном университете на отделении журналистики, окончил аспирантуру Института социологических исследований АН СССР в Москве. Кандидат философских наук. В течение двадцати лет работал в правозащитных организациях, из них шестнадцать — в Комитете по гражданской интеграции парламента Грузии. Автор сборников рассказов «Городок» и «Тополя». Неоднократно публиковался в русских, американских, израильских и грузинских журналах. Печатался в журналах «Нева», «Дружба народов», «Волга», «Сибирские огни», «Новая Юность», «Урал».

ТОЛСТУШКА

Я работал в институте. Мой кабинетик располагался на четвертом этаже. Он выходил окнами на грязный, пустынный внутренний двор. Каждое утро, отговорив утренние дежурные темы с коллегами, я в одиночестве поднимался на этаж. В последнее время сотрудники перестали приходить на работу. Те, кто навещался, застревали этажом ниже, чаще в приемной директора, играли в домино, сплетничая и попивая кофе. Я писал последний годовой институтский отчет, которому суждено было пылиться на полке.

Чтоб как-то поддержать институт, начальство сдало в аренду разным офисам пустующие комнаты на четвертом этаже. Из соображений экономии был отключен лифт, так что наверх приходилось подниматься пешком. Моя одышка уже давала о себе знать.

Я сразу ощутил перемены. Жизнь на этаже забила ключом. Воцарилась какофония, живая энергия хаоса. По коридору беспорядочно сновала молодежь. В круговороте лиц и образов хиппи мешались с йиппи. Заглядывали даже кришнаиты. Зачастили иностранцы.

В соседней со мной комнате уместилась неправительственная организация, которая занималась ни больше ни меньше как стратегией морального жизнеустройства, чуть дальше — филиал партии «зеленых», напротив — представители какой-то экзотической полурелигиозной секты. Кажется, к ним приходили в гости кришнаиты.

Однажды ко мне постучались. Заглянула девчушка, почти подросток, большие серые глаза, энтузиазм во взгляде. Наверное, она утомилась, поднимаясь на четвертый этаж. Не могла отдышаться. Она спросила, где на этаже располагается общество любителей творчества Марселя Пруста. Заинтригованный, я попытался продлить удовольствие от столь неожиданного «визита». Вспомнил, что моя жена как раз читает один из томов этого автора на русском. Сероглазая выказывала нетерпение, а я нудно продолжал выкладывать ей все, что знал о Марселе Прусте. Об обществе же ничего путного сказать не смог. Чуть позже узнал, что в конце коридора находится общество Оскара Уайльда. Видимо, кто-то перепутал авторов и по ошибке направил девочку на наш этаж.

Но главная перемена состояла в том, что пропала моя одышка. Я легко поднимался пешком на этаж. Жена однажды заметила, что я стал предпочитать молодежный стиль в одежде и что это ее радует, так как еще совсем недавно я не знал, что такое стиль вообще. В другой раз она в ужасе воскликнула:

— Ты на карнавал идешь или на работу?!

Но вот однажды...

В тот день я вымучивал одну формулу в докладе, когда мое внимание привлекли звуки суеты и паники. В коридоре явно что-то происходило. «Воды! Воды скорее! У кого есть лекарства?» — расслышал я в тревожном гомоне. Вышел в коридор. На полу навзничь лежала очень полная девушка. Бедняжка была в обмороке. Над ней склонился молодой человек, он пытался открыть ей рот и достать язык. Рядом на корточках сидел мужчина средних лет. Видимо, ее отец, бледный, руки тряслись от испуга.

— Расходитесь, дайте воздуха, — крикнул я обступившим девушку молодым людям.

И вот из глубины большого тела несчастной послышался болезненный выдох. Девушка выходила из обморока. Видно было, как полегчало отцу. Он даже позволил себе раздраженно, с укоризной обратиться к дочери. Мужчина чуть ли не кричал, что не надо было подниматься пешком на четвертый этаж. Знала ведь, как ей это трудно. И главное, из-за каких-то безделушек. Потом он смолк, и я увидел в его глазах слезы.

Наверное, вспомнил, как долго готовилась дочь к визиту на этаж. Как крутилась перед зеркалом, подбирала наряды. Звонила подружкам. Ей не хотелось отставать от сверстников. Она упростила отца проводить ее. Он не мог ей отказать, хотя приговаривал, что его присутствие может быть некстати.

Девушку подняли, усадили на стул. Она растерянно смотрела вокруг и виновато улыбалась.

Я зашел в свой кабинет и попытался углубиться в бумаги... Но не получалось. Встал, подошел к окну... Двор был по-прежнему запущенным. Я думал о толстухе и ее отце. Потом вдруг вспомнил, как часто хворал в детстве, бывало, сидел на подоконнике и наблюдал за игрой детей на улице. Мать почему-то шпыняла папу за мою болезнь. Он подходил ко мне, садился рядом, и мы обсуждали происходящее на улице. Поглощенный наблюдениями, я ненароком поднимал глаза и смотрел отцу в глаза. Они были грустными.

ДИСПЕТЧЕР

Наркоманы в то время были большой редкостью. Тогда их называли «морфинистами». Мне было лет пять, когда я увидел его впервые — очень худого молодого человека. У него была сильная дрожь в руках, голова дергалась. Особенно запомнился сильно выдающийся кадык. Я с мамой сидел в трамвае, когда увидел его на остановке. Он громко, «по-свойски» общался с водителем и кондуктором нашего вагона.

— Смотри, морфинист! — шепнул я маме. Она строго посмотрела на меня и сказала, что он — очень больной человек.

Должно быть, парень страдал от последствий детского церебрального паралича.

Через некоторое время я увидел его на конечной остановке трамваев — на Колхозной площади. Он сидел в будке, видимо, работал диспетчером. Все обязанности его — вписать в журнал время прибытия и отправления трамвая. Когда мешкал кто-нибудь из водителей, диспетчер выглядывал из будки и громко кричал, призывая того занять место и отправляться. При этом его приметный кадык вибрировал, а голова дергалась.

...Бойкое место, спующие пассажиры, лязг трамвайных колес, скрежет на вираже, когда какая-нибудь таратайка отправлялась на маршрут, и голос диспетчера запечатлелись в моей памяти. У будки всегда толпились водители и кондукторы. Этакая биржа. Народ был простой, и шутки у него были вульгарные. Мужчины задирали местных проституток, собиравшихся стайкой поблизости. Иногда эти биржи объединялись. Обычно диспетчер молчал и важно восседал на своем табурете.

К веселой компании прибывался инвалид, у него не было ног. Потерял их в детстве. Он являл собой скорбную особенность городов, где ходит трамвай. Этот тип был с характером. Он мог быть высокого роста. Однажды я проходил мимо и увидел, как он ударил правой рукой одну особу легкого поведения. Мужчина с усилием дотягивался до ее лица и что-то говорил на армянском языке. Девушка, сама неробкого десятка, сохраняла сдержанность и достоинство и почти не сопротивлялась. Она смотрела на него сверху и что-то ему выговаривала, пыталась урезонить.

— Если хочешь, спросим у Сандро, — сказала она на грузинском языке и показала глазами на диспетчера.

С некоторых пор я перестал пользоваться трамваем. Этот вид транспорта у нас упразднили. Рельсы закатали в асфальт. На работу я отправлялся на метро, потом купил «Жигули». Во время перестройки машину продал. Вырученные деньги положил

в банк, который потом лопнул. Потерял и работу. Но потом нашел другую. К новому месту службы ездил с вокзала на пригородной электричке. Снова купил автомобиль. На этот раз поддержанный «мерс». Я уезжал из страны. Потом вернулся.

Жизнь шла своим чередом. На Колхозной площади бывал мало. Разве что навещался туда по делам. У меня была доля в двух забегаловках. Заезжал туда под вечер за своим паем.

Недавно я пригласил в одну из забегаловок новых знакомых. Горячие хинкали, посыпанные черным перцем, мы запивали холодным немецким пивом. Стоял приятный вечер. Гости и я решили прогуляться.

Мы проходили мимо конечной остановки трамваев. Я начал рассказывать о тбилисских вагонах. О том, как я хулиганил — прыгал и запрыгивал на подножку, чтобы понравиться девчонкам. Они потом ябедничали моим родителям, после чего мне крепко доставалось.

— А вот здесь стояла будка диспетчера, — сказал я, картинно повернувшись к тому месту, где она когда-то стояла, и осекся...

Будки не было. Притулившись в углу, на старой-престарой табуретке сидел маленький старичок. Его руки и голова дергались, кадык ходил вверх-вниз, когда старичок глотал слюну. Он сидел, погрузившись в свое молчание. Как когда-то... диспетчер Сандро! На старом столике «диспетчер» разложил несколько коробок сигарет. Видимо, торговал ими.

Гости обратили внимание на мою оторопь. Я сказал:

— Лет пятьдесят назад я по детскому недомыслию принял этого старика за наркомана. Мама меня поправила и сказала, что просто человек тяжело болен. Тогда он был парнем.

ЗВОНОК

Однажды, проходя мимо гостиницы «Мэрриот», я обратил внимание на молодого человека. Среди энергично снующих швейцаров и служащих он выглядел понурым. Его некогда дорогой костюм явно поизносился. Кроссовки обветшали. Кажалось, парень подобрал их на свалке. Он подошел к телефону, висящему с внешней стороны гостиницы. Снял трубку, поговорил с кем-то. Денег у него не было, поэтому ему пришлось уложиться в бесплатную минуту. Я расслышал фразу, когда он форсировал разговор: «Мне пора, менеджер зовет!»

Повесив трубку, молодой человек стал медленно удаляться. На его чуть сгорбленной спине некоторое время фокусировалась кинокамера рыжеватого, как мне показалось, иностранца.

«Иностранцам такое нравится», — подумал я с ухмылкой.

Через некоторое время по ТВ я смотрел с товарищем футбольный матч. Во время перерыва он вышел на кухню — принести из холодильника пиво. Я же лениво посматривал на экран в ожидании игры. Показывали клипы о рисках незаконной эмиграции, о том, какие жизненные трудности испытывают наши соотечественники-нелегалы. И тут появилась знакомая картинка... Тот самый понурый молодой человек у гостиницы «Мэрриот», как будто где-то в Европе. Я начал громко звать товарища. Тот прибежал из кухни.

— Смотри, смотри! — кричал я.

— С чего ты панику поднял, я подумал, что-то случилось, — товарищ держал в руках холодные бутылки пива.

- Я был свидетелем съемок этого клипа. Вернее, его части.
- Большая честь! — отреагировал он, но потом всмотрелся в экран.

В это время показывали тех, с кем недолго общался «эмигрант»... Молоденькая женщина с годовалым ребенком, «жена» того молодого человека. Она радостно улыбалась. Рядом, ерзая на стуле, сидел парень, ожидая своей очереди для разговора с «братом». Хмурый «отец». Почему-то не было «матери»... Тбилисская семья в горестном интерьере 90-х годов — ни света, ни отопления. Только свеча горела. Все плотно укутаны.

По телефону говорил «отец». В его тоне была легкая мужская назидательность, дескать, рад за сына: тот так много работает, что надо бы и пощадить себя, иногда отдыхать. Отец просил его не беспокоиться о потерянных деньгах, которые тот выслал с нарочным. Мол, без них пока обходимся, но — это хороший урок на будущее.

В это время в эфире раздались характерный щелчок и после него фраза «эмигранта»: «Мне пора, менеджер зовет!»

Не кладя трубку, «отец» молча смотрел прямо перед собой, сдерживая предательскую слезу, — он-то чувствовал, что происходит, и хотел скрыть это и от членов «семьи», и от бедолаги «сына-эмигранта». Жалость и беспомощность были в его взгляде. А в это время молодой человек, сидящий рядом, выговаривал ему, почему он опять не напомнил «брату», чтоб визу прислал, давно бы вместе зарабатывали...

Потом мы досматривали футбол, полностью переключившись на спортивные страсти.

Через некоторое время правительства европейских стран потребовали от грузинских властей принять меры для управления эмиграцией. Были подписаны какие-то соглашения. Они предусматривали проведение разъяснительной работы. Одним из ее образчиков стал тот самый клип. Я его увидел опять-таки случайно по ТВ. Сюжет сопровождала веселая музыка, «эмигрант» казался похожим на клоуна. Мораль была такой: «Поедешь за рубеж нелегально — вляпаешься в историю!»

Из ремейка были вырезаны кадры с «отцом», его театральная пауза, исполненная внутренней печали. Видимо, она не укладывалась в новую версию.

ЕХИДНЫЙ ОСКАЛ КОНКУРЕНЦИИ

У нас начали строить рыночную экономику, и в почете оказалось такое явление, как конкуренция. Раньше ее сравнивали не иначе как с законом джунглей. Народу также разъяснили, что такое nepoтизм, и призывали бороться с ним. Идеологи рынка настаивали на его «изничтожении», и все ради торжества конкуренции.

На телешоу, которое я смотрел со своим дядей-пенсией, эта сентенция вызвала неоднозначную реакцию. Один политик-традиционалист заявил:

— Нам ближе кумовство, пусть его называют nepoтизмом, а конкуренция вызывает сомнения. Здесь она неизбежно выродится в интриганство. Знаем, что это такое! Сыты по горло!

Другой политик, апологет западных ценностей, в ответ обозвал коллегу-традиционалиста «упертым этником».

Тут я заметил, как усмехнулся Геронтич (так я называл дядюшку), как увлажнились его глаза. На мой вопрошающий взгляд он ответил:

- Вспомнил молодость!
- С чего вдруг?

Свою трудовую биографию Александр Геронтьевич начинал в вечерней газете в самый расцвет развитого социализма. Работал репортером, как он любил себя называть.

Эта категория газетчиков была овеяна романтикой лихости, которую черпала из зарубежных фильмов.

— Среди нас, репортеров, конкуренция считалась правилом хорошего тона. Крутых из себя строили, — рассказывал Геронтитч, — на охотников за сенсациями мы не тянули, сам понимаешь, в те идеологически строгие времена эту практику считали одиозным атрибутом западных массмедиа.

Пока смотрели шоу, дядюшка вспоминал, как он перемещался по городу на мотороллере, корреспондентская сумка через плечо, фотоаппарат на шее, этакий «папарацци».

В поисках материала он носился по городу. Однажды Геронтитч сунулся в какую-то организацию, название которой толком на вывеске не прочитал. Ему удалось обмануть бдительность девиц в милицейской форме, сидящих на входе. На него пытливно взглянули и пропустили, ничего не спросив. Приняли за сотрудника. «Папарацци» вел себя предельно самоуверенно. Он бродил по пустынным гулким коридорам, как будто именно эта прогулка была его целью, а потом спросил кабинет начальства у выходящего из туалета мужчины. Дядюшка рассказывал:

— Этот тип отреагировал странно. Попросил подождать немного и удалился. Через некоторое время меня допрашивали в специальном помещении. Лысый майор задавал непонятные вопросы и постоянно озирался на дверь смежной комнаты. Наконец там кто-то появился. Майор удалился и что-то вполголоса говорил, видимо, начальнику. Потом я слышу: «Умерьте пыл, майор. Отпустите дурака репортера!»

Кончилось тем, что Геронтитча выпроводили. То, что он чуть было не влип в историю, дядюшка осознал, когда оседлал свой мотороллер. Информацию он не добыл, но престижную репутацию проныры среди молодых коллег заработал.

— Ты помнишь Гришу Л.? — спросил меня дядюшка о своем приятеле. — Тот тоже начинал лихим репортером. С возрастом Гриша приспособился получать информацию по телефону. Зашибал хорошие гонорары, не выходя из кабинета. Лавры очеркистов и фельетонистов его не волновали.

Так вот однажды мы попали на мероприятие в педагогическом институте. Я попросил у ректора текст его выступления. Подумал расцветить материал выдержками из него. Ректор, кстати очень красивая дама, в нерешительности замялась. «Я уже обещала текст вашему сотруднику», — сказала она. Тут как раз этот сотрудник и объявился — Гриша Л. Он беспардонно взял из ее рук страницы и смерил меня ехидным взглядом...

На экране появился известный политик-скандалист. Дядюшка сделал паузу, потом продолжил:

— В те времена в советской прессе писали, что у конкуренции «звериный» оскал. У Гриши он был ехидным, от него так и разило профессиональным превосходством, мол, «обошел на вороних». Признаться, я и сам почувствовал себя уязвленным, хотя значения текста не преувеличивал. Видимо, мой вид показался ректору весьма красноречивым. Она подозвала секретаршу и что-то шепнула той на ухо. Скоро мне принесли рукописный вариант ее выступления.

Мы уставились на экран, где события приняли драматический оборот. Словесная перепалка политиков плавно перешла в рукоприкладство. Мы посмеялись, мол, конкуренции еще нет, а жертвы уже появились.